

М. П. Изюмовъ.

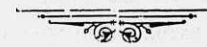
801-15

615

Ученіе графа Л. Н. Толстого
○
НЕПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ.

(ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ).

ВИТЕВСКЪ.
Губернская Типо-Литографія.
1901.

Ученіе графа Л. Н. Толстого о непротивленіи злу *).

(Отлученіе Толстого отъ церкви; нѣкоторыя черты его ученія, объясняющія этотъ фактъ; нравственность, какъ главное содержаніе ученія Толстого; непротивленіе злу, какъ главный принципъ Толстовской нравственности; сужденія богослововъ относительно сопротивленія злу насиліемъ; новая точка зрѣнія на этотъ вопросъ преосв. Антонія (Храповицкаго) и проч.).

Не такъ давно, почти на этихъ дняхъ, оглашенъ былъ фактъ, подобнаго которому давно уже не помнитъ наша лѣтопись церковныхъ событій. Высшая духовная власть православной русской церкви отлучила отъ общенія съ нею знаменитаго яснополянскаго философа-моралиста, графа Л. Н. Толстого.

Интересъ этого событія обусловливается не столько его рѣдкостью и необычайностію, сколько тѣмъ, что лицомъ отлученнымъ

великій писатель
художника слова
извавший цѣлую

предъ собраніемъ
имнавіи, въ пользу
рускаго Общества.

КНИГА ИМЕЕТ

Листовъ печатныхъ	Выпускъ	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблицъ	Картъ	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и взвѣсннй	197 г.
2							808	7
								128

2014141639

Ученіе графа Л. Н. Толстого о непротивленіи злу *).

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго комитета печатанъ дозволяется.
Москва. 13 іюня 1901 года.
Цензоръ, протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*.

(Отлученіе Толстого отъ церкви; нѣкоторыя черты его ученія, объясняющія этотъ фактъ; нравственность, какъ главное содержаніе ученія Толстого; непротивленіе злу, какъ главный принципъ Толстовской нравственности; сужденія богослововъ относительно сопротивленія злу насиліемъ; новая точка зрѣнія на этотъ вопросъ преосв. Антонія (Храповицкаго) и проч.).

Не такъ давно, почти на этихъ дняхъ, оглашенъ былъ фактъ, подобнаго которому давно уже не помнитъ наша лѣтопись церковныхъ событій. Высшая духовная власть православной русской церкви отлучила отъ общенія съ нею знаменитаго яснополянскаго философа-моралиста, графа Л. Н. Толстого.

Интересъ этого событія обуславливается не столько его рѣдкостью и необычайностію, сколько тѣмъ, что лицомъ отлученнымъ явился въ данномъ случаѣ сіятельный графъ, великій писатель земли русской, создавшій себѣ славу образцоваго художника слова и своими беллетристическими произведеніями вызвавшій цѣлую

*) Публичная лекція, читанная 11 марта 1901 г. предъ собраніемъ интеллигентной публики, въ залѣ Витебской мужской гимназій, въ пользу мѣстнаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

2014141639

школу подражателей даже въ культурнѣйшихъ странахъ Западной Европы. Читателямъ Толстого, знакомымъ лишь съ художественными произведеніями графа и не видавшимъ его религіозно-философскихъ трактатовъ, не легко будетъ повѣрить, что этотъ неподражаемый художникъ, творчеству котораго принадлежитъ немало типовъ весьма религіозной настроенности (припомните Платона Каратаева, отчасти Левина, Акима и др.), самъ дошелъ до полного отрицанія всѣхъ религіозныхъ истинъ, и даже такихъ, безъ которыхъ до сихъ поръ не обходилась ни одна еще религія. Почитатели художественнаго таланта графа Л. Н. зачастую и теперь готовы признать, что философскіе трактаты и художественная литература—это двѣ совершенно различныя области его писательской дѣятельности, въ которыхъ трудно даже и узнать одного и того же автора. Но эта ошибка давно уже исправлена литературной критикой, которая находитъ, что и по самымъ раннѣйшимъ произведеніямъ графа, каково напр. „Дѣтство, отрочество и юность“, можно опредѣлить въ немъ будущаго творца тѣхъ религіозно-философскихъ идей, раскрытію и пропагандѣ которыхъ онъ посвятилъ послѣдніе десятки лѣтъ своей жизни. Не нужно даже быть и кропотливымъ изслѣдователемъ, а достаточно лишь быть внимательнымъ и вдумчивымъ читателемъ, чтобы подмѣтить, что и художественно-беллетристическія произведенія графа, особенно плоды творчества его послѣднихъ годовъ, сильно окрашены въ цвѣтъ его общихъ философскихъ воззрѣній и въ существѣ дѣла представляютъ изъ себя ничто иное, какъ художественный комментарий на его религіозно-философскія идеи. „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“—что это такое какъ не художественная иллюстрація его пантеистическихъ взглядовъ на смертную судьбу человѣка и форму его загробнаго существованія?! Художественные образы, чарующіе насъ прелестью своихъ красокъ, не могутъ скрыть отъ наблюдательнаго взора того холоднаго сомнѣнія въ истинѣ безсмертія души, въ которомъ заключается весь

смыслъ послѣдней повѣсти. Едва ли даже будегъ преувеличеніемъ сказать, что беллетристика, въ которой всѣ единодушно видятъ главное призваніе графа, сведена теперь послѣднимъ на степень служебнаго орудія въ рукахъ философа и моралиста. Мыслитель въ графѣ Л. Толстомъ заслонилъ теперь собою художника и беллетриста. Ему нравится въ послѣднее время больше учить и наставлять, нежели творить и живописать. И, конечно, не эта послѣдняя дѣятельность, ко всеобщему сожалѣнію, такъ рано имъ оставленная, нашла себѣ оцѣнку въ извѣстномъ уже, безъ сомнѣнія, вамъ опредѣленіи Св. Синода, который въ своемъ посланіи къ чадамъ россійской церкви пишетъ: „изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей“... и немного далѣе: „и теперь Божиимъ поущеніемъ явился новый лжеучитель графъ Л. Толстой“... Какъ видите, знаменитый нашъ писатель и современный намъ учитель общества поставленъ въ одинъ рядъ съ такими лицами, при одномъ имени которыхъ въ нашей памяти оживаютъ времена вселенскихъ соборовъ и слышится ихъ грозное слово „анаема“. Дѣятельность современнаго евангелиста, какъ часто называютъ Льва Толстого за его смѣлую передѣлку и истолкованіе нашихъ евангелій, отнесена по духу къ продолженію дѣятельности тѣхъ, глубокой древностію отъ насъ сокрытыхъ, лжеучителей, которые въ своихъ хулахъ на Церковь, не имѣли, конечно, особенныхъ побужденій быть сдержанными. И тѣмъ не менѣе за все время своего многолѣтняго существованія Церкви Христовой никогда еще, кажется, не приходилось считаться съ такою, почти непонятною, къ себѣ ненавистію, какою дышатъ всѣ сочиненія графа Толстого. Едва ли она слышала также когда-нибудь столько хулы и порицаній себѣ, сколько ихъ вышло изъ-подъ пера этого „извѣстнаго міру писателя, православнаго по рожденію и воспитанію“, какъ говорится въ томъ же синодскомъ опредѣленіи.— Мы чувствуемъ, что наша мысль многимъ почитателямъ Толстого

покажется слишком смѣлой и, пожалуй, парадоксальной. Но чтобы кто-нибудь не подумалъ, что въ насъ говоритъ богословская нетерпимость ко всякому проблеску свободомыслія или,—что еще хуже,—желаніе поглумиться надъ непризнаннымъ Церковію евангелистомъ, мы поспѣшимъ представить на вашъ судъ и основанія своей мысли.

Прислушиваясь къ тому, что говорили на соборахъ, и чему учили въ своихъ писаніяхъ древніе еретики, вы легко замѣтите, что своего религіознаго разномыслія съ Церковію они никогда не доводили до полного отрицанія всей ея доктрины. Возставая противъ того или другого пункта христіанскаго вѣроученія, отрицая иногда даже цѣлую серію христіанскихъ догматовъ, они въ то же время сохранили въ себѣ вѣру въ другіе догматы и никогда, по крайней мѣрѣ, не теряли охоты слушать доводы и возраженія своего противника. Судите же сами, какъ далеко ушелъ отъ нихъ въ этомъ отношеніи графъ Л. Н. Толстой, который не только отвергъ всю доктрину, весь строй христіанской церкви, не оставивши отъ нихъ и камня на камнѣ, но еще и тщательнѣйшимъ образомъ оберегаетъ себя отъ того, чтобы до его слуха какъ-нибудь не дошло то, что противъ него говорятъ и пишутъ въ защиту Христовой Церкви и ея ученія. Въ составѣ послѣдняго нельзя отыскать ни одного такого пункта, къ которому бы хотя малую долю уваженія сохранилъ знаменитый философъ и моралистъ. Онъ дошелъ до полного отрицанія не только догматовъ Христовой вѣры, но даже и такихъ религіозныхъ истинъ, которыя не менѣе его скептической умъ Канта признавалъ постулатами человѣческаго разума, каковы напр. истины бытія Личнаго Бога и безсмертія души. „Что такое Богъ“, спрашиваетъ Толстой въ одномъ мѣстѣ, и отвѣчаетъ: „это ничего не выражающее слово, что-то непонятное“, которому онъ въ другомъ мѣстѣ даетъ имя „разумнѣя жизни“. „Въ началѣ было разумнѣе жизни; разумнѣе жизни было вмѣсто Бога; разумнѣе жизни стало Богомъ“,—

вотъ какъ передаетъ современный намъ евангелистъ смыслъ высоко-поэтическихъ словъ богословствованія св. евангелиста Іоанна Богослова.—Безсмертіе души, вѣрою въ которое одушевляется все челоѣчество въ своемъ стремленіи къ духовному совершенствованію, для графа Толстого представляется лишь жалкимъ суевѣріемъ, выдумкой современныхъ книжниковъ и фарисеевъ, какъ онъ величаетъ нашу іерархію.—Если таково отношеніе гр. Толстого къ истинамъ вѣры общечеловѣческой, то легко себѣ представить, каково должно быть его отношеніе къ вѣрованіямъ собственно христіанскимъ. І. Христосъ, вѣра въ Божество котораго составляетъ весь смыслъ христіанства, для него не болѣе, какъ обыкновенный челоѣкъ, котораго только по ошибкѣ считали сыномъ Іосифа. Не зная Своего подлиннаго отца, Онъ и приходитъ къ мысли, что Онъ Сынъ Бога.—Страданія І. Христа, предъ которыми въ глубокомъ смиреніи останавливается искупленный ими челоѣкъ, въ нашемъ мыслителѣ вызываютъ слѣдующій столько же короткій, сколько и циничный комментарий: „1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то нищій и что-то говорилъ; его высѣкли и повѣсили“. Древніе лжеучители, даже тѣ, которые не раздѣляли вѣры въ Божество Христа, все же говорили о Немъ въ болѣе почтительномъ тонѣ.—Трудно представить себѣ челоѣка, въ душѣ котораго не осталось бы мѣста ни для одного святого чувства. А между тѣмъ посмотрите, какъ самыя святѣя христіанскія чувства служатъ для Толстого предметомъ лишь злой насмѣшки. Священныя таинства христіанской Церкви даютъ ему только лишній поводъ къ кощунственному глумленію надъ ними.—Да простить мнѣ ваше религіозное чувство слѣдующую выдержку изъ послѣдняго религіозно-философскаго трактата графа Л. Н., въ которой развязность тона и откровенный цинизмъ содержанія доходитъ до послѣдней степени неприличія. „Дѣятельность церкви“, пишетъ графъ въ своемъ „Царство Божіе внутри васъ“. „состоитъ въ томъ, чтобы всѣми возможными мѣрами внушить стомилліонной

массѣ русскаго народа тѣ отсталыя, отжившія, не имѣющія теперь никакого оправданія вѣрованія, которыя когда-то исповѣдывали чужіе намъ люди, въ которыя теперь почти никто уже не вѣритъ, часто даже и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ распространеніе этихъ ложныхъ вѣрованій“. „Чему“, спрашиваетъ далѣе авторъ, „чему старательно и неопустительно учатъ у насъ народъ? Чего отъ насъ требуютъ во имя т. н. Христовой вѣры? При самомъ рожденіи ребенка родителямъ внушается, и даже требуется отъ нихъ подѣ страхомъ наказанія за неисполненіе, чтобы ребенокъ былъ непременно крещенъ, т. е. обмокнуть священникомъ трижды въ воду, при чемъ читаются никому непонятныя слова и совершаются еще менѣе понятныя дѣйствія. Потомъ внушается родителямъ, что ребенка надо причастить, т. е. дать ему подѣ видомъ хлѣба и вина съѣсть частицу тѣла Христова. Потомъ внушается, что этого ребенка, по мѣрѣ возраста, надо выучить молиться. А молиться значитъ становиться прямо предѣ досками, на которыхъ нарисованы лица Христа, Богородицы и святыхъ, и кланяться головой, всѣмъ тѣломъ, а правой рукой со сложенными извѣстнымъ образомъ пальцами дотрогиваться до лба, до плечъ, до живота и произносить при этомъ славянскія слова“.—Прибавимъ кстати, что одну изъ величайшихъ святынь Москвы и всей Россіи графъ прямо называетъ „безобразнымъ идоломъ, кощунственно развозимымъ по городу пьяными людьми“.—Потомъ внушается въ праздники ходить въ церковь, покупать и ставить свѣчи, подавать записочки для поминанія и хлѣбцы для вырѣзыванія изъ нихъ треугольничковъ. Потомъ внушается говѣть. Говѣть значитъ пойти въ церковь и сказать священнику свои грѣхи, предполагая, что это сообщеніе чужому человѣку своихъ грѣховъ совершенно очищаетъ отъ нихъ, а потомъ съѣсть съ ложечки кусочекъ хлѣба съ виномъ, что еще болѣе очищаетъ. Предѣ смертію же внушается, что человѣкъ непременно долженъ съѣсть съ ложечки хлѣба съ виномъ, а еще лучше если успѣетъ помазаться масломъ“ и т. д.

и т. д. „И эта вѣра, заключаетъ Толстой свои глумленія надъ ней, образчики которыхъ мы привели лишь въ самыхъ общихъ извлеченіяхъ, называется православной, т. е. настоящей вѣрой“ („Царство Божіе внутри васъ“ ч. I, стр. 102 и дал.). Вы видите, въ какомъ каррикатурномъ видѣ представлены здѣсь святѣйшія таинства православной церкви и тайны нашей вѣры. Сравните все это съ тѣмъ, что было писано Толстымъ относительно нашего богослуженія и таинствъ церкви въ одной изъ главъ его „Воскресенія“, не вошедшей, правда, въ печатное изданіе этого романа, но ходившей по рукамъ публики, и судите, много ли было преувеличенія въ нашихъ словахъ о томъ, что древніе лжеучители никогда не изрекали на церковь столько хулы и порицанія, сколько въ слухъ всего міра наговорилъ ей графъ Толстой. Нужно ли же послѣ этого удивляться, что Церковь, наконецъ, возвысила свой голосъ противъ того ненормальнаго положенія, при которомъ православный по рожденію и воспитанію сынъ ея отказывается ей въ самой малой доли уваженія? Теперь она выяснила свои отношенія къ нему, какъ и онъ самъ за много лѣтъ ранѣе высказалъ свой взглядъ на Церковь, когда отказывалъ ей даже въ наименованіи Христовой, увѣряя, будто Церковь на мѣсто Христа выдумала какого-то Духа Св., которымъ совершенно и заслонила личность своего Основателя, такъ что къ ней болѣе бы шло названіе „Святодуховской“, нежели Христовой или христіанской. И вотъ эта то Святодуховская церковь, сознавши бесплодность „бывшихъ къ его вразумленію попытокъ“, силою и властію Духа Св., отлучила его какъ преслушавшаго голосъ Церкви и изрекшаго хулу на Духа Св., отъ общенія съ собою. Напрасно, какъ бы въ свое оправданіе, графъ не такъ давно писалъ, что „теперь и сами духовныя лица стараются обходить въ своихъ проповѣдяхъ ту самую ложь, которая составляетъ весь смыслъ ихъ положенія, и которую они призваны проповѣдывать“ („Царство Божіе“... ч. II, стр. 88—89). Подобная любезность по адресу православнаго духовенства можетъ

быть сочтена лишь за новое глумленіе надъ нимъ и его дѣятельностію. Никто еще никогда изъ среды духовенства не отрицалъ основъ вѣры и благочестія, напротивъ, мы могли бы назвать цѣлый сонмъ православныхъ іерарховъ, которые всю силу ума и природныхъ талантовъ, все богатство эрудиціи и остроту глубокомыслія посвящали раскрытію нравственно-просвѣтительнаго вліянія таинствъ, обоснованію церковныхъ вѣрованій и изъясненію глубоководержательныхъ идей, заложенныхъ въ наши священнодѣйствія ¹⁾.

Мы указали лишь весьма немногіе черты религіозно-отрицательныхъ воззрѣній графа Л. Н. Толстого, не дѣлая даже попытки привести ихъ въ цѣльную систему. Обойти совсѣмъ молчаніемъ вопросъ о религіозномъ разномысліи Толстого съ Церковію намъ казалось неудобнымъ въ виду того, что для многихъ фактъ отлученія графа отъ Церкви показался—не то, чтобы несправедливымъ или незаконнымъ, а, по меньшей мѣрѣ, непонятнымъ. Вѣдь, полагаемъ, ни для кого не тайна, что религіозно-философскія сочиненія Л. Толстого, въ большинствѣ случаевъ изданныя за границей, не могли получить у насъ правъ цензурнаго гражданства, такъ что и самыя религіозныя воззрѣнія графа далеко не столь общезвѣстны, какъ содержаніе и характеръ его беллетристическихъ произведеній. Конечно, каждому изъ насъ приходилось слышать о Толстомъ, что онъ во многое не вѣритъ, весьма многое отрицаетъ, но мало ли теперь людей, практически не вѣрующихъ. За что же вдругъ на него такая кара со стороны Церкви, и при томъ въ такое время, когда факты отлученія отъ нея готовы были отойти въ область далекаго пропалаго и стать почти историческимъ пережиткомъ? Пролить хотя немного свѣта на эти для многихъ недоумѣнные и неясные вопросы и былъ цѣлюю всего, до ихъ поръ с казаннаго.

---

1) Епископъ Антоній „Полное собраніе сочин.“ т. III, стр. 252—253).

Но при всемъ томъ нашею главною задачею служила не характеристика религіозно-философскихъ взглядовъ графа Л. Н., а изложеніе его нравственно-практическихъ воззрѣній. Почему именно эту сторону его ученія избрали мы предметомъ настоящаго чтенія, въ объясненіе этого считаемъ нелишнимъ указать на слѣдующее. Во-первыхъ, самъ Левъ Николаевичъ, дѣля все содержаніе евангельскаго ученія на двѣ части—догматическую или, по его терминологіи, метафизическую, и ифическую, отдавалъ рѣшительное предпочтеніе послѣдней предъ первой. Считая первую (догматическую) лишь историческимъ наслоеніемъ или просто наростомъ на подлинномъ ученіи Христа, плодомъ религіозныхъ сужевѣрій и сознательнаго обмана со стороны церковной іерархіи, онъ все значеніе и весь смыслъ евангелія полагалъ въ нравственномъ его содержаніи. Если бы, не разъ говаривалъ графъ Толстой, отъ евангелій не осталось ничего, кромѣ нагорной проповѣди, то и въ такомъ случаѣ ученіе Христа нисколько бы не потеряло въ своей цѣнности.

Во-вторыхъ, даже тѣ изъ почитателей Толстого, которые не особенно, по-видимому, склонны довѣрять его религіозно-философскому авторитету и ученію, все же не иначе, какъ съ величайшей похвалою отзываются о нравственно-практическихъ его воззрѣніяхъ. Имъ кажется, что не смотря на безопадное отрицаніе всѣхъ догматовъ евангельскаго ученія, учитель ихъ глубоко попялъ и какъ нельзя лучше раскрылъ нравственное содержаніе этого ученія. Нравственная доктрина Толстого представляется глазамъ его послѣдователей такой неприступной скалой, что подъ прикрытіемъ ея они надѣются найти совершенно безопасную и неуязвимую позицію въ дѣлѣ защиты своего учителя отъ нападеній его противниковъ. Такимъ образомъ, и по намѣреніямъ самого графа, и по мысли его сторонниковъ, центръ тяжести его ученія слѣдуетъ искать не въ отрицаніи имъ церковнаго вѣроученія, а въ разъясненіи нравственнаго содержанія евангельской истины, въ

установкѣ и указаніи правилъ жизни, составленныхъ въ духѣ подлинной будто-бы евангельской мѣры.

Но вы, быть можетъ, спросите: какъ же при полномъ отрицаніи христіанской догматики яснополянскому мыслителю удалось еще сохранить уваженіе къ евангельскому правоученію, когда эти двѣ области до того тѣсно между собою связаны, что обычно представляются у богослововъ двумя лишь сторонами одного и то же ученія? Какъ можно напр. сохранить ученіе о любви христіанской, признавая логическимъ абсурдомъ догматъ о Св. Троицѣ и выдумкой священниковъ догматъ о Божествѣ І. Христа? Вдумываясь ли въ эту связь самъ графъ Л. Н., мы этого не знаемъ, но намъ извѣстно, что эти двѣ области христіанскаго ученія онъ считалъ столь же несмѣсными, какъ не смѣсны масло и вода. Поэтому-то онъ и рѣшился, какъ самъ о себѣ говорилъ, „создать мораль безъ догматовъ“, изъяснить „нагорную проповѣдь безъ вѣры“¹⁾. Зачѣмъ же ему понадобилось разрывать эту несомнѣнно-существующую и органически тѣсную связь между областью вѣроученія и нравственности христіанской? Затѣмъ, конечно, чтобы, отнюдь не поступаясь своими религіозными воззрѣніями на христіанство, самую общую характеристику которыхъ мы уже представили выше, выбрать себѣ изъ него (х—ства) столько нравственнаго содержанія, сколько это можно было сдѣлать безъ противорѣчія основнымъ религіозно-пантеистическимъ взглядамъ. Но отвергая догматы и символъ вѣры, т. е. все христіанское вѣроученіе, графъ Толстой и высокія начала христіанской нравственности, всецѣло обращенныя къ внутреннему человѣку, передѣлываетъ въ какія-то бездушныя и механическія правила внѣшней жизни и внѣшняго поведенія. Если, какъ мы уже показали, религіозныя воззрѣнія графа Толстого характеризуются огульнымъ отрицаніемъ догматовъ вѣры, то его нравственно-

1) У Буткевича „Послѣднее сочиненіе графа Л. Н. Толстого“ стр. 42.

практическіе взгляды представляютъ изъ себя сплошное отрицаніе всѣхъ существующихъ на землѣ порядковъ, всего государственнаго, общественнаго и даже частнаго быта. Все разнообразіе требованій евангельскаго нравственнаго закона Толстой свелъ къ слѣдующимъ пяти заповѣдямъ: 1) не гнѣвайся, 2) не разрывай связи съ женщиною, съ которою разъ сошелся, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не воюй. А эти 5 заповѣдей въ свою очередь объединяются въ одной еще болѣе общей— „не противься злему“ и въ сущности представляютъ изъ себя ничто иное, какъ приложеніе ея къ разнымъ случаямъ жизни. Отсюда ясно, что, для правильнаго пониманія пяти частныхъ заповѣдей, необходимо выяснитъ смыслъ коренной заповѣди о непротивленіи злу. Безъ надлежащаго разумѣнія этой послѣдней понять и изъяснитъ мораль Толстовскую такъ же невозможно, какъ безъ ученія о любви нельзя понять нравственности христіанской. Такъ что же это за принципъ непротивленія злу? Какъ до него дошелъ нашъ знаменитый моралистъ и какой смыслъ вложилъ онъ въ эту основную заповѣдь своего новаго евангелія и своей новой вѣры?

Въ нагорной проповѣди, которая одна, по замѣчанію Толстого, стоитъ всего остальнаго евангельскаго ученія, въ стихахъ 38 и 39 пятой главы евангелія отъ Матѳея, находятся слѣдующія слова Христа Спасителя: „вы слышали, что сказано (разумѣется въ законѣ Моисеевомъ): око за око, и зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противься злему. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую“. „Хотя и прежде, замѣчаетъ по поводу этой заповѣди графъ Левъ Толстой, слова эти занимали и привлекали меня, но я видѣлъ въ нихъ такое требованіе терпѣнія и самоотверженія, которое просто на просто противно чловѣческой природѣ. Раньше я думалъ, что Христосъ этими словами восхваляетъ страданія и лишенія, восхваляя же преувеличиваетъ и потому выражается не точно и не ясно (все дѣло объясняется, значитъ, гиперолой въ рѣчи Христа). Но вдругъ я

понялъ эти слова въ ихъ подлинномъ смыслѣ и мнѣ сразу стало ясно то, что Христось говоритъ. Онъ говоритъ: не противьтесь злу; дѣлая же это напередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивши васъ въ правую щеку, ударятъ васъ и въ лѣвую, если вы не окажете сопротивленія, воспользовавшись одной вашей работой, заставятъ васъ еще больше работать на себя и т. д. И вотъ, когда это будетъ происходить съ вами, вы все-таки не противьтесь злу. И какъ только понялъ я слова эти въ ихъ подлинномъ смыслѣ, для меня тотчасъ же стало яснымъ все, что доселѣ было темно, и казавшееся преувеличеніемъ сдѣлалось точнымъ. Я понялъ, что Христось отнюдь не требуетъ, чтобы мы ради страданій подставляли щеку, но Онъ требуетъ лишь, чтобы мы не противились злу, замѣчая, что намъ, быть можетъ, придется и страдать“. Пояснимъ все это примѣромъ самого же графа. Отецъ отправляетъ сына въ далекую дорогу. Онъ не повелѣваетъ ему проводить ночи безъ сна, дни безъ пищи, зябнуть, мокнуть и проч., но говоритъ: „иди, сынъ мой, своей дорогой, если даже тебѣ придется переносить холодъ и голодъ, ты все же иди дальше“. Точно такъ же и Христось не говоритъ: „подставляйте щеки, но только замѣчайте: „не противьтесь злу, хотя бы васъ и били по щекамъ“. „Итакъ, не противьтесь злу никогда и никакими способами“¹⁾.—Что же это за простой и ясный способъ толкованія, который привелъ новаго евангелиста къ открытію подлиннаго смысла словъ Христовыхъ о непротивленіи злу, которыя, если вѣрять графу, въ теченіе 1800 лѣтъ намѣренно и сознательно искажались церковной іерархіей? Способъ этотъ заключается въ томъ, что собственныя слова Христовы Толстой противопоставилъ словамъ, заимствованнымъ Христомъ изъ Ветхаго Завѣта, увидѣвши

1) „Въ чемъ моя вѣра“—цитатъ см. у Гусева „Основные правила въ правоученіи графа Л. Толстого“—Чтеніи въ Общ. люб. дух. просвѣщ. 1892 г. окт., стр. 349.

въ первыхъ категорическое отрицаніе послѣднихъ. „Вы слышали, что сказано въ законѣ“, говоритъ Христось, „око за око и зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злу, но если васъ ударятъ по щекамъ, вы подставьте и другую“. Послѣднія слова Христа Спасителя содержатъ въ себѣ лишь пополненіе и, если можно такъ выразиться, одухотвореніе мертвой буквы закона Моисеева. Этотъ послѣдній кажется Толстому слишкомъ черствымъ и жестокимъ, такъ какъ имъ узаконяется месть. Христось, упраздняя силу этого закона мести, ставитъ на мѣсто его законъ милости и всепрощенія. Однако, не трудно будетъ показать, что приведенная статья ветхозавѣтнаго закона отнюдь не поощряла мстительности подзаконнаго человѣка, а какъ разъ наоборотъ—предупреждала въ немъ развитіе этого чувства, удерживая его въ границахъ справедливости. Вѣдь съ точки зрѣнія идеи чистой справедливости никакъ не будетъ дѣломъ незаконнымъ, если я за выбитый мнѣ зубъ заплачу своему обидчику тѣмъ же. Я не обнаружу при этомъ смиренія и терпѣнія, но не сдѣлаю и несправедливости¹⁾. Какая же имѣлась въ виду цѣль при сообщеніи людямъ чрезъ Моисея этого закона—„око за око и зубъ за зубъ“? Удерживать ветхозавѣтнаго человѣка, нравственно еще весьма несовершеннаго и жестокаго, а потому и неспособнаго къ прощенію причиняемыхъ ему обидъ, удержать отъ мести, которая, какъ всѣмъ извѣстно, тѣмъ именно и характеризуется, что, овладѣвши сердцемъ человѣка, она лишаетъ его способности довольствоваться только справедливымъ возмездіемъ, но сверхъ того стремится причинить обидчику какъ можно больше зла. Такова была всегда природа мести, что она не любитъ стѣсняться представленіемъ о равномъ воздаяніи за обиду. Отсюда ясно, что, дозволяя обиженному платить своему обидчику только равною обидою, законъ

1) Ср. у Орфано въ „Чтен. Общ. люб. дух. просв.“ 1886 г., сентябрь, стр. 253 и дал.

Моисеевъ этимъ самымъ сокращала мстительность ветхозавѣтнаго человѣка, вводя ее въ границы лишь справедливаго возмездія. Г. Христось не отмѣняетъ безусловно этого закона, потому что это значило бы отрицать идею справедливости, лежащую въ основѣ этого закона, но Онъ возводитъ своихъ послѣдователей на высшую степень нравственнаго совершенства, указывая имъ лучшей способъ дѣйствованія въ случаяхъ обиды. „Я же вамъ говорю: не противьтесь злу“, т. е. хотя ветхозавѣтный законъ и разрѣшаетъ справедливое возмездіе за обиду, но лучше бы было, если бы вы не прибѣгали къ этому закону, и не спѣшили возстановлять попоранную справедливость, воздавая зломъ за зло, короче—для васъ было бы лучше не противиться злу,—почему?—да потому, что выше закона справедливости есть законъ терпѣнія и благодушнаго перенесенія обидъ. Какъ видите, въ заповѣди Христа мы открыли пока только отрицательный смыслъ, указывающій намъ, чего бы намъ не слѣдовало дѣлать: мы не должны бы зломъ платить за зло.—Графъ Толстой глубже этого въ смыслъ заповѣди о непротивленіи злу и не проникъ, и на этомъ чисто отрицательномъ пониманіи ея остановился, возводя, такимъ образомъ пассивное или страдательное отношеніе къ причиняемому намъ злу въ верховный принципъ евангельской нравственности. Это-то намъ и кажется особенно страннымъ, что заповѣдь чисто отрицательнаго свойства, указывающая намъ (и то не ясно) лишь то, чего мы не должны дѣлать, возведена яснополянскимъ моралистомъ на степень всеобъемлющаго и всеопредѣляющаго правила человѣческой жизни. А между тѣмъ Христось не остановился на этомъ отрицательномъ законѣ жизни, но вслѣдъ за отрицательнымъ смысломъ заповѣди о непротивленіи злу, желая возвести, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ¹⁾, своихъ послѣдователей еще на высшую ступень нравственнаго совершенства, указываетъ имъ и то, что именно они

1) Читай „Бесѣды на Матѳ.“ ч. I, М. 1846, стр. 369 и дал.

должны дѣлать, когда имъ причиняютъ обиды или зло. Они не только не должны платить зломъ за зло, но и воздавать еще добромъ за зло. „Если кто возьметъ у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду, если кто заставитъ тебя пройти съ собою версту, пройди съ нимъ и другую“ и т. д. (Мѳ. V, 40, 41). Это уже не есть только непротивленіе злу, за воздаяніе за него добромъ. Ветхозавѣтному человѣку позволялось изъ снисхожденія къ его нравственной неразвитости въ отношеніяхъ къ обидчику руководиться закономъ справедливости. Христось, оставляя въ силѣ этотъ законъ для тѣхъ, кто по своему нравственному настроенію не возвышался надъ ветхозавѣтнымъ человѣкомъ, рекомендуетъ истиннымъ своимъ послѣдователямъ, какъ болѣе совершеннымъ, замѣнить законъ возмездія закономъ всепрощенія или непротивленія злу, указывая въ то же время, что для ищущихъ высшаго совершенства есть и еще болѣе совершенный законъ,—законъ воздаянія за зло добромъ. На самой вершинѣ этого закона, если можно такъ выразиться, Христомъ написана заповѣдь о любви къ врагамъ (Мѳ. V, 44), предъ которою въ недоумѣніи остановился современный намъ евангелистъ, полагая, что „врагу самое большее можно развѣ не вредить, но любить его нельзя“¹⁾. Итакъ, вотъ въ чемъ заключается самое общее различіе въ пониманіи заповѣди о непротивленіи злу у графа Л. Н. Толстого и въ экзегетикѣ православно-христіанской.

Но что же разумѣетъ графъ подъ зломъ, противиться которому, особенно насильственнымъ способомъ („насиліемъ“), онъ считаетъ дѣломъ недостойнымъ и противнымъ духу ученія Христова? Самъ онъ не опредѣляетъ, что такое зло и — мало того — не находитъ и возможнымъ дать точнаго опредѣленія зла. Изъ того факта, что одни люди считали нерѣдко зломъ то, что другими почиталось за добро, нашъ писатель приходитъ къ парадоксальному выводу,

1) Въ чемъ моя вѣра... цитатъ см. у Антонія III т. стр. 129.

будто обязательнаго для всѣхъ опредѣленія зла нѣтъ и быть не можетъ („Царство Божіе“, стр. 277, 273 и др.). Но онъ указываетъ много частныхъ видовъ зла въ жизни. Такъ, представленіе о Богѣ, какъ особенномъ отъ человѣка, существѣ и поклоненіе Ему—есть зло; плотская жизнь—есть зло; православные учителя—самое лютое зло; клятва—есть зло; война—тоже зло; суды—зло и мн. другое. „Согласитесь сами, что все это такія разнородныя и несоизмѣримыя величины, которыя никакъ не могутъ быть приведены къ одному знаменателю“¹⁾. Но все же и поименованныхъ видовъ зла для насъ будетъ достаточно, чтобы на почвѣ ихъ представить нѣсколько примѣровъ для поясненія знаменитаго толстовскаго принципа.

На нашу границу напали китайцы. Можемъ ли мы участвовать въ оборонѣ своего отечества, и можетъ ли само государство пойти на защиту своихъ владѣній отъ желтокожихъ? Ни подь какимъ видомъ! Не только потому, что война есть величайшее зло, и, стало быть, противиться ему не слѣдуетъ, но и потому еще, что Христосъ прямо запретилъ всякія войны, когда сказалъ: „любите враги ваша“. Эти послѣднія слова Толстой не нашелъ возможнымъ объяснить какъ-нибудь иначе, какъ только въ томъ смыслѣ, что врагами нашими Христосъ называетъ не нашихъ личныхъ враговъ или обидчиковъ, а всѣхъ чужестранцевъ, на подобіе того, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ врагами у евреевъ назывались всѣ иноплеменики. Отсюда Толстой выводитъ заповѣдь, запрещающую слагать различіе между соотечественниками и иностранцами, а стало быть, и воевать съ послѣдними. Война безусловно противна духу ученія Христова, а потому развѣ только въ насмѣшку можно называть солдатъ и ихъ начальниковъ „христіанскими“—такъ разсуждаетъ яснополянская моралистъ. Поэтому,

¹⁾ Свяш. Н. Еленискій „О новомъ евангеліи графа Толстого“, Москва, 1887 г., стр. 43.

когда ты видишь или слышишь, что твоему отечеству угрожаютъ внѣшніе враги, не спѣши браться за оружіе и даже не молись объ избавленіи „отъ врага и супостата“, „отъ нашествія иноплемениковъ“, потому что злу не слѣдуетъ противиться никакими способами—не только физическимъ (черезъ насиліе), какова напр. оружіе, но даже—строго говоря—и нравственнымъ, какова напр. молитва.

Представимъ и другой примѣръ.—Неизвѣстными злоумышленниками на моихъ глазахъ расхищается мое имущество. Могу ли я вступиться за свои права и свою собственность? И если я лишень возможности отстоять ихъ силою, то позволительно ли, по крайней мѣрѣ, обратиться подь защиту закона и законныхъ судей? Боже меня сохрани! Вѣдь этимъ я не только обнаружу сопротивленіе злу, но и нарушу прямую заповѣдь Христа, которая гласитъ: „не судите, да несудимы будете“ (Мѣ. VII, 1). Эту заповѣдь Христа Спасителя Толстой толкуетъ не въ смыслѣ запрещенія частныхъ пересудъ или злословія ближняго, а въ смыслѣ запрещенія всякихъ вообще судовъ—общественныхъ и государственныхъ. Эту именно мысль онъ и выразилъ въ своей четвертой заповѣди—„не судись“, т. е. не не суди только, но и не судись, иначе—не ходи въ судъ, не обращай къ суду. Если цѣль судовъ состоитъ въ томъ, чтобы задерживать развитіе зла и возстановлять разстроенный преступникомъ порядокъ жизни, иначе—въ томъ, чтобы противиться злу, то выше всякаго сомнѣнія должно быть то, что наши суды и судьи разсчитывать на благоволеніе къ себѣ со стороны яснополянскаго мыслителя не могутъ. Да и не одни только суды бичуетъ своимъ ѣдкимъ словомъ насмѣшки нашъ знаменитый художникъ слова, а и всѣхъ вообще государственныхъ чиновниковъ, саму верховную власть, все государство вообще, по скольку у всѣхъ ихъ имѣется въ виду одна цѣль—насилъственное сопротивленіе злу и охраненіе порядка. Какъ видите, это самая откровенная проповѣдь социализма, направленная къ разрушенію

всѣхъ устоевъ общественной и государственной жизни. Наша жизнь и порядокъ въ ней держатся законами, но графъ Толстой находитъ, что чѣмъ усерднѣе кто исполняетъ законы государственные, тѣмъ дальше уклоняется отъ духа ученія Христова. Вотъ случай, самимъ Львомъ Николаевичемъ рассказанный въ качествѣ иллюстраціи къ только-что высказанному положенію о противорѣчій законовъ гражданскихъ закону евангельскому.— Въ виду пріѣзда Высочайшихъ Особъ въ Москву, полиціи предписано было не пропускать никого, особенно нищихъ, къ Кремлевскому дворцу. Но одинъ калѣка обманулъ бдительность городского и пробрался было уже къ самому дворцу. Замѣтивши его, блюститель порядка поспѣшилъ въ погону за нищимъ и уже близокъ былъ къ тому, чтобы, догнавши, вразумить какъ слѣдуетъ несчастную жертву своей оплошности; какъ вдругъ онъ остановленъ былъ случайно проходившимъ графомъ, который спросилъ его: „развѣ ты не знаешь, что твоя вѣра запрещаетъ причинять обиды ближнимъ, а тѣмъ болѣе несчастнымъ и калѣкамъ?“ Грозный стражъ порядка сразу поникъ головой, очевидно, разсуждая про себя, какъ это могло случиться, что онъ, желая лишь въ точности исполнить волю начальства и данное имъ предписаніе, оказался въ противорѣчій съ волей Божіей, выраженной чрезъ Христа? Но раздумье его продолжалось недолго. Оправившись, отъ смущенія и измѣривши полупрезрительнымъ взглядомъ случайнаго собесѣдника, городской спросилъ: „а ты полицейскій уставъ читалъ?“—Роли сразу же перемѣнились. Городовой съ побѣдоноснымъ видомъ отправился на свой постъ, а графъ въ глубокомъ раздумьи продолжалъ свой путь чрезъ Кремль. О чемъ онъ думалъ? О томъ, вѣроятно, что невозможно въ одно и то же время исполнять въ жизни законъ евангельскій и требованія законовъ гражданскихъ: исполнишь одинъ, нарушишь другіе. А отъ чего такъ? Да отъ того, какъ кажется графу Толстому, что одинъ (законъ евангельскій) проповѣдуетъ о непротивленіи злу насиліемъ, а

другіе (законы государства) всецѣло основаны на насиліи и насиліемъ же поддерживаются.

Позволимъ себѣ привести и еще одинъ примѣръ на правило непротивленія злу.—Нашу страну постигъ голодъ, т. е. зло, какъ обыкновенно принято называть его, физическое. Можно ли бороться съ нимъ, т. е. можно напр. подавать милэстыню голодающимъ, устраивать для нихъ общественныя столовыя, собирать и дѣлать пожертвованія и т. п.? Не будь это зло, тогда, конечно, можно-бы; но такъ какъ голодъ—зло, то и бороться съ нимъ безъ нарушенія заповѣди Христовой невозможно. Въ такомъ именно смыслѣ и отвѣтилъ сначала графъ Л. Толстой на обращенные къ нему въ печати вопросы о томъ, позволительно ли бороться и какими мѣрами съ надвигавшеюся голодовкою 1891—92 г. Но затѣмъ, когда отвѣтъ этотъ оттолкнулъ своею черствостію даже наиболѣе фанатичныхъ послѣдователей графа, послѣдній, желая, видимо, загладить дурное впечатлѣніе, вызванное въ обществѣ его отвѣтомъ, поспѣшилъ самъ въ районъ голодной мѣстности, гдѣ и создалъ цѣлую сѣть общественныхъ столовыхъ, не переставая все время голодовки взывать къ общественной сострадательности и получать чрезъ посредство своей супруги массу денежныхъ и всякихъ иныхъ пожертвованій на голодающихъ ¹⁾. Отмѣтитъ этотъ фактъ тѣмъ болѣе стоитъ, что ссылка на „любвеобильный“ характеръ графа Льва Никол. часто фигурируетъ у его защитниковъ въ качествѣ одного изъ крупныхъ доводовъ въ пользу возвышеннаго характера нравств. ученія графа ²⁾.

Живо помнится намъ, какъ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ огромнаго трактата Толстого „Царство Божіе внутри васъ“, четыре пятыхъ котораго, по замѣчанію преесв. Антонія, посвящены

1) Гусевъ „Основныя правила въ правоученіи гр. Л. Толстого“, Чт. въ общ. люб. дух. просв. 1893 г., стр. 150.

2) Ibid. стр. 149.

раскрытію и обоснованію знаменитаго принципа непротивленія злу насиліемъ, одинъ свѣтскій писатель на страницахъ „Русскаго Богатства“ (кажется за 93 г.) слѣдующимъ примѣромъ пародировалъ этотъ принципъ. Извѣстно, что и до настоящаго времени толстовцы собираются въ особыя общины (скиты) или колоніи, гдѣ и устриваютъ свою жизнь на началахъ непротивленія злу насиліемъ. Случилось въ одной изъ такихъ колоній, что теленокъ на глазахъ своихъ хозяевъ (колониство) взомель на полюсу съ осомъ и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, принялся не столько ѣсть, сколько топтать труды рукъ усердныхъ колониство. Чего-бы, кажется, естественнѣе было согнать теленка съ полюсы, но такъ какъ это значило бы воспротивиться злу насиліемъ, то наши колонисты, правда, послѣ долгихъ споровъ и разсужденій, рѣшились лучше махнуть рукой на овесъ, чѣмъ на теленка, чтобы прогнать его, и послѣдній безнаказанно продолжалъ бродить на полюсѣ господъ непротивленцевъ. Какая, подумаешь, выдержанность?! И чѣмъ не менѣе, когда одинъ духовный критикъ напечаталъ въ газетѣ статью, въ которой позволилъ себѣ неодобрительно отозваться на счетъ ученія Толстого о непротивленіи злу насиліемъ, тогда тѣ же самые непротивленцы написали и послали ему одно за другимъ цѣлыхъ 32 ругательныхъ письма, въ которыхъ угрожали всѣми ужасами насилія—отъ обѣщанія „наплевать въ физиономію“ до намѣренія „избить безъ пощады“ 1).

Однако мы слишкомъ долго задержались на истолкованіи и поясненіяхъ Толстовскаго принципа о непротивленіи злу насиліемъ. Намъ предстоитъ теперь обратиться къ ученію Церкви и выслушать ея голосъ относительно того, позволительно ли, съ ея точки зрѣнія, противиться злу. Христіанское пониманіе заповѣди о непротивленіи злу мы уже представили выше. Теперь же намъ

1) Буткевичъ, „Послѣднее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царство Божіе внутри васъ“. Харьковъ. 1894 г., стр. 8.

хотѣлось бы собрать и представить данныя для рѣшенія вопроса собственно о томъ, всегда ли и безусловно ли Церковь запрещаетъ противленіе злу, или иногда узаконяетъ его, доводя свое, какъ-бы сказать, послабленіе въ этомъ отношеніи до разрѣшенія прибѣгать даже къ насилію, если того требуютъ обстоятельства, въ цѣляхъ противодѣйствія злу? Толстой того, конечно, мнѣнія, что Церковь не только не воспрещаетъ, но даже прямо узаконяетъ и освящаетъ противленіе злу насиліемъ. Выдуманный ею Духъ Св. будто бы самъ первый показалъ примѣръ насильственной борьбы со зломъ, когда на смерть поразилъ солгавшихъ Ему Ананію и Сапфирю. Его примѣромъ, очевидно, и до сихъ поръ руководится Церковь, разрѣшая разнаго рода насиліе, какъ напр. смертную казнь преступниковъ, благословляя бранное оружіе и молясь объ успѣхахъ „христіолюбиваго воинства“ и т. п. („Цар. Бож.“ ч. I, 49).

Не можемъ согласиться съ доводами графа Льва Николаевича, но самая мысль его о томъ, что Церковь не запрещаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгать даже къ насилію въ видахъ прекращенія и задержанія развивающагося зла, вообще говоря, вѣрна и требуетъ развѣ только нѣкотораго смягченія. Такой, по крайней мѣрѣ, взглядъ держался до сихъ поръ среди ученыхъ богослововъ и проводился въ богословскихъ сочиненіяхъ. Профессоръ Казанской дух. академіи—г. Гусевъ, едва ли не самый рьяный оппонентъ графа Толстого въ нашей богословской журналистикѣ и безспорно самый плодовитый писатель по части критики Толстовскихъ взглядовъ, категорически утверждаетъ, что противодѣйствіе или противленіе злу и даже, если этого требуетъ характеръ зла, съ насиліемъ отнюдь не можетъ быть почитаемо противнымъ духу ученія Христа и Церкви. Мало этого. Онъ пытается даже доказать, что на такой же точно (т. е. на церковной) точкѣ зрѣнія долженъ бы стоять, если бы хотѣлъ быть послѣдовательнымъ, и самъ графъ Толстой. Приводя себѣ на память, что и самъ Левъ Николаевичъ, при всемъ своемъ нерасположеніи къ противленію

злу насиліемъ, все же нашелъ возможнымъ сдѣлать исключение (т. е. разрѣшить насиліе) изъ своего общаго правила по отношенію къ дѣтямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, сами того не сознавая, подвергаются какой-либо опасности ¹⁾, а одинъ изъ усерднѣйшихъ проповѣдниковъ толстовскаго ученія—г. Оболенскій сверхъ того включаетъ въ число лицъ, по отношенію къ которымъ можетъ быть допущено насиліе, людей въ какомъ-нибудь отношеніи ненормальныхъ, каковы напр. пьяные, помѣшанные, припадочные и т. п. („Рус. Богат.“ 1886 г., кн. 5—6, стр. 69); принимая все это въ соображеніе, названный профессоръ разсуждаетъ приблизительно такимъ образомъ: если по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ позволительно допускать насиліе ради спасенія ихъ отъ опасности или предупрежденія вреда, который они намъ могли бы причинить, то почему бы, ради тѣхъ же цѣлей, не позволить употребить насиліе и по отношенію къ людямъ здоровымъ и нормальнымъ? Если въ первомъ случаѣ основаніемъ для отступленія отъ общаго правила служитъ сознаніе нами чужой опасности, несознаваемой тѣми, кому она угрожаетъ, и желаніе предотвратить ее, то, казалось бы, должно быть дѣломъ прямой логической послѣдовательности разрѣшить насиліе и въ тѣхъ случаяхъ, когда лицомъ, угрожаемымъ—или угрожающимъ намъ—опасностію, будетъ человекъ вполне здоровый и нормальный ²⁾.

Нельзя отказать почтенному профессору въ значительной долѣ остроумія и находчивости, которыя не покидаютъ его и тогда, когда, вслѣдъ за этимъ, онъ обращается къ изысканію положительныхъ доводовъ въ пользу позволительности и законности противленія злу и даже съ насиліемъ. Подтверженія этого мнѣнія онъ ищетъ въ области евангельскихъ словъ и фактовъ. Такъ ему

1) Гусевъ „Основныя правила правоученія гр. Л. Толстого“. Чт. въ Общ. люб. дух. просв. стр. 406. Ср. у Буткевича „Послѣднее сочиненіе гр. Л. Н. Толстого“, стр. 33.

2) Гусевъ... стр. 406—409.

припоминается, что и Самъ І. Христосъ, которому Толстой навязываетъ мысль о безусловной невозволительности противленія злу какими-бы то ни было способами, не только уклонился отъ опасности, когда враги Его искали убить Его, не только возразилъ слугѣ архіерейскому, ударившему Христа по ланитѣ, сказавши ему: „аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ, аще ли добрѣ, что я біеши“ (Іоан. 18 гл., 23); но даже съ помощію бича, т. е. съ явнымъ насиліемъ, изгналъ изъ храма жадныхъ торгашей и кощунственныхъ мѣновниковъ ¹⁾.—Ссылки на эти слова (какъ и многія другія) и указанія на эти евангельскіе факты вы найдете въ любомъ богословскомъ трактатѣ, въ любой статьѣ, написанныхъ противъ толстовскаго ученія о непротивленіи. Мы не беремъ на себя смѣлости подвергать критической оцѣнкѣ всѣ эти доводы православныхъ богослововъ въ защиту позволительности противленія злу и даже съ насиліемъ, но не можемъ не выразить того, что слова „Христосъ“ и „насиліе“ звучатъ для насъ страннымъ диссонансомъ и невольно смущаютъ нашу совѣсть...

Вотъ почему мы съ искреннею радостію за нашу богословскую науку считаемъ долгомъ сообщить, что взглядъ казанскаго профессора и многихъ его единомышленниковъ въ вопросѣ о законности насилія въ борьбѣ со зломъ нашелъ себѣ въ недавнее время замѣну въ гораздо болѣе, если можно такъ выразиться, христіанскомъ взглядѣ на этотъ вопросъ преосвященнаго Антонія (Храповицкаго), епископа Уфимскаго, бывшаго ректора Москов. и Казанской духов. акад. Для тѣхъ, кому неизвѣстна личность названнаго іерарха, считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что эта во многихъ отношеніяхъ замѣчательная личность обладаетъ рѣдкою способностію пролагать новые пути тамъ, гдѣ, казалось бы, и до него исхожены были всѣ дороги, и проливать новый свѣтъ на такіе вопросы, которые и прежде его, повидимому, освѣщались

1) Гусевъ... стр. 380—383.

со всёхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Этому же духовному писателю и іерарху принадлежитъ и тотъ новый взглядъ на позволительность насилія въ борьбѣ со зломъ, на сторонѣ котораго (взгляда) лежатъ и наши личные симпатіи. Чтобы въ чемъ-нибудь не тстунить отъ мысли пресвященнаго автора, мы постараемся изложить его взглядъ по занимающему насъ вопросу какъ можно ближе къ подлиннику.

„Мы совершенно не обвиняемъ утверждаемъ“, — пишетъ достойный авторъ въ отвѣтъ на заявленія Толстого о томъ, будто Церковь безусловно разрѣшаетъ насилія въ борьбѣ со зломъ, подкрѣпляя свое разрѣшеніе нѣкоторыми ссылками на мѣста изъ Новаго Завѣта, — „что въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ разрѣшенія прибѣгать къ насилію въ борьбѣ со зломъ“ (а прежніе-то богословы именно тамъ и старались найти оправданіе для насильственной борьбы со зломъ), „хотя нѣтъ и прямого воспрещенія. Мало того, ни одно церковное опредѣленіе, ни одна молитва Церкви не даютъ утвердительнаго отвѣта на вопросъ Толстого о томъ, можетъ ли христіанинъ, оставаясь христіаниномъ, допускать насиліе въ достиженіи благихъ цѣлей. Мы на это отвѣтимъ: нѣтъ, совершенный христіанинъ, допустившій насиліе, весьма погрѣшитъ, но прибавимъ, погрѣшитъ меньше, нежели въ томъ случаѣ, когда онъ, не желая допустить насилія, отказывается вовсе отъ борьбы со зломъ. Если, напр., человѣкъ видитъ разбойника, преслѣдующаго дѣвушку, или злодѣя, похищающаго дѣтей для растлѣнія, то видящій это христіанинъ болѣе погрѣшитъ, если пройдетъ мимо такого явленія, нежели въ томъ случаѣ, если вступитъ въ борьбу со злодѣемъ, хотя бы послѣдняя окончилась убійствомъ. Но неужели нѣтъ третьяго исхода! Есть: истинный, совершенный христіанинъ имѣетъ возможность и здѣсь не употребить насилія. Если онъ всецѣло проникнуть вѣрой въ Бога, то Богъ пошлетъ ему силу убѣжденія, а если злодѣй ожесточится и противъ этой силы, то Господь Самъ будетъ его казнителемъ, какъ Ананіи и Сапфиры. Этому

Онъ многократно училъ Своихъ служителей и въ Ветхомъ, и въ Новомъ Завѣтѣ, то избивая враговъ ихъ казнями египетскими, то сохраняя рабовъ Своихъ въ огнѣ, какъ трехъ отроковъ, то вооружая однихъ враговъ на другихъ, то питая Илію въ пустыни, то изводя Петра изъ темницы и т. п. И еслибы такой человѣкъ, который имѣетъ внутреннюю возможность сейчасъ проникнуться святымъ вдохновеніемъ на столько, чтобы совершить чудо, но по минутному упадку духа, подобно Моисею при изведеніи воды изъ камня, или Сауду, не дождавшемуся Самуила при битвѣ, оставить надежду на Бога и прибѣгнетъ къ защитѣ истины насиліемъ, то онъ безусловно виновенъ. Но если онъ такой силы не имѣетъ, а зло совершается сейчасъ и совершается безвозвратно, если христіанину остается выборъ между сопротивленіемъ злу чрезъ насиліе и бездѣятельнымъ созерцаемъ зла, то онъ болѣе погрѣшитъ въ послѣднемъ случаѣ, нежели въ первомъ, но и въ первомъ поступить только лучше (значитъ, не безотносительно хорошо!), чѣмъ въ послѣднемъ. Что сказано о личной жизни, тоже слѣдуетъ сказать и о жизни общественной, и о войнѣ. Если бы, напр., русскій народъ, созерцая истязаніе болгаръ и ихъ насильственное потурченіе, имѣлъ бы настолько духовныхъ силъ, чтобы или ту рокоу убѣдить прекратить жестокости, или болгаръ — принять безропотно мученіе, или, наконецъ, воззвать къ Богу съ такой силой вѣры, чтобы Господь Самъ чудесно сохранилъ невредимыми христіанъ и устрасилъ мучителей: тогда русскій народъ былъ бы безусловно виновенъ, еслибы, полѣнившись, такъ связать, напяркъ свой духъ, предпочелъ обратиться къ оружію. Но такъ какъ подобной апостольской силы духа онъ не имѣлъ, и ему предстоялъ выборъ между войной и преступнымъ равнодушіемъ священника и левита въ притчѣ о милосердномъ самарянѣ, то онъ поступилъ наилучшимъ изъ доступныхъ для него способовъ отношенія къ балканскимъ распрямъ, когда взялся за оружіе. И пусть Толстой не обвиняетъ Церковь въ прямомъ дозволеніи насилій, въ без-

условномъ одобреніи войны. Она не одобряетъ ихъ, а только терпитъ! Пусть онъ знаетъ, что въ нашихъ канонахъ есть прямо и опредѣленно выраженная епитимія Василія Великаго лишать убивавшихъ на войнѣ причастія на три года (прав. 13), какъ людей, смутившихъ свою совѣсть. А священникъ, участвовавшій въ убійствѣ, лишается своего сана, если бы даже сдѣлалъ это, защищая жизнь свою или другихъ... Такъ пусть же не клеветаетъ Толстой на Церковь, будто она прямо одобряетъ убійства, насиліе и войны. Пусть онъ пойметъ, что развѣца между ученіемъ христіанскимъ, которое исповѣдуетъ Цеоконъ и православные воины, съ его ученіемъ состоятъ не въ томъ, какъ то и другое относится къ самому убійству и насилію, а въ томъ, что первые смотрятъ на насиліе въ борьбѣ со зломъ, какъ на поступокъ менѣе грѣховный, чѣмъ равнодушное примиреніе съ беззаконіемъ, а Толстой считаетъ первое безусловнымъ грѣхомъ, а второе вовсе не грѣхомъ... Христіанинъ признаетъ себя настолько связаннымъ съ жизнью всѣхъ, что безучастное отношеніе къ нравственному злу считаетъ для себя болѣе предосудительнымъ, нежели противленіе ему силой“¹⁾,

Итакъ, закончимъ изложеніе взгляда преосв. Антонія его же словами: „ученіе Церкви о непротивленіи злу насиліемъ не только не ниже, а безконечно выше толстовскаго, когда оно одобряетъ лишь то непротивленіе злу насиліемъ, которое можетъ это зло уничтожить духовною силою, когда, терпя лишь противленіе, понуждаетъ въ то же время человѣка съ горечью сознавать, что въ его подвигѣ нѣтъ чистаго добра, а только меньшее зло. Съ этими именно мыслями она и благословляетъ оружіе и молится о побѣдѣ, потому что имѣетъ въ виду людей, какъ нравственно-несовершенныхъ, согласно съ чѣмъ и самъ Толстой замѣтилъ какъ-то разъ, что „Христось учить не ангеловъ, а людей, живущихъ животною

1) Епископъ Антоній „Полное собраніе сочиненій“ т. III, стр. 217—220.

жизнію, т. е.—сказать по-христіански—людямъ, паденіемъ омрачившихъ въ себѣ образъ Божій“¹⁾.

Мы не только изложили и пояснили на примѣрахъ толстовское пониманіе заповѣди о непротивленіи злу, но и противопоставили ему христіанское и научно-богословское толкованіе этой заповѣди. На этомъ, строго говоря, и можно бы было покончить сравненіе двухъ различныхъ толкованій одной и той же евангельской заповѣди, еслибы на оцѣнку нравственныхъ дѣйствій человѣка не имѣли вліянія тѣ побужденія, какими руководится онъ, совершая тѣ или другія дѣйствія. Вопросъ о побужденіяхъ имѣетъ рѣшающее значеніе не только при оцѣнкѣ отдѣльныхъ дѣйствій человѣка, но и цѣлыхъ нравственныхъ системъ, опредѣляющихъ его дѣятельность. Въ этомъ отношеніи высота и осуществимость всякаго правоученія зависятъ не столько отъ самаго содержанія его или прасилья нравственности, сколько именно отъ побужденій, въ основѣ ихъ лежащихъ. Сознательно зла никто изъ правоучителей проповѣдывать не станетъ. На всемъ многовѣковомъ пространствѣ исторіи нравственной философіи нашелся только одинъ убѣжденный и откровенный проповѣдникъ зла—это прославленный (недавно умершій) философъ Ницше, духовная нормальность котораго находится подъ сильнымъ сомнѣніемъ. Не даромъ же имъ интересуются не столько психологи, сколько психіатры, въ родѣ извѣстнаго Юрьевского профессора Чижа.—Всякій здравомыслящій человѣкъ согласится съ тѣмъ, что трудъ напр., лучше праздности, что воздержаніе лучше разврата. Но одно дѣло сказать: трудись, потому что ты иначе обѣднѣешь,—и совсѣмъ другое сказать: трудись, потому что праздность есть мать всѣхъ пороковъ, омрачающихъ въ человѣкѣ чистый образъ Божій. По словесному выраженію эти правила одинаковы, но глубоко различны по своей мотивировкѣ, а, стало быть, и по духу вообще. Точно такъ же и

1) Ibid. стр. 221.

заповѣдь о непротивленіи злу и терпѣніи обидѣ, по словесной формѣ очень сходная въ толстовскомъ и нашемъ евангеліяхъ, въ толстовскомъ и христіанскомъ правоученіи, можетъ быть чрезвычайно различна по тѣмъ побужденіямъ, какія тамъ и здѣсь указываются къ ея исполненію. Въ самомъ дѣлѣ, почему не слѣдуетъ платить зломъ за зло, иначе говоря, противиться злу насильственнымъ образомъ? Вѣрующій христіанинъ сразу же осмыслить для себя эту заповѣдь, сославшись на примѣръ Христа. Онъ скажетъ что любовь и благодарность къ своему Искупителю служатъ для него побужденіемъ подражать Ему въ терпѣніи. А что скажетъ толстовецъ въ оправданіе своего непротивленія? Его учитель развѣнчалъ Христа въ Богочеловѣческомъ достоинствѣ и не только далекъ отъ мысли признавать Его за Бога, но очень близокъ къ тому, чтобы вообще не признавать никакого Бога. Божество съ точки зрѣнія пантеистической философіи Толстого есть ничто иное, какъ міровая сущность, есть тотъ же міръ, взятый въ отвлеченномъ понятіи. Можемъ ли мы любить такого Бога? Довольно трудно, если не прямо невозможно! Любовь возможна только къ личностямъ ¹⁾. Любовь есть чувство личное по-преимуществу. И какъ въ умѣ толстовца нѣтъ мѣста для вѣры въ Личнаго Живого Бога, такъ въ его сердцѣ не можетъ быть мѣста для любви къ Нему. Но съ отрицаніемъ любви къ Богу сама собою падаетъ и заповѣдь о любви къ ближнему. Последняя (любовь къ ближнему) всегда была сильна первой и пропала съ ея потерей. Кромѣ того, чтобы любить ближняго, необходимо, какъ только что пояснено, признавать его личностію. Съ понятіемъ же личности неразрывно связана мысль о безсмертіи ея. Между тѣмъ этой послѣдней и не хочетъ принять яснополянской философіи. Человѣкъ, по его мнѣнію, живетъ, пока живетъ. Умереть, — я отъ него остается только одна память въ потомствѣ. Онъ погрузится въ без-

1) Антоній... т. III, стр. 243; ср. стр. 179.

личную сущность Божества, какъ погружается въ море волна, лишь на одну минуту выброшенная вѣтромъ на его поверхность. Какъ же я могу любить какую-то безличную идею, лишь на время влѣзшую въ человѣческую кожу? Могу ли я считать высшимъ правиломъ своей жизни—любить постепенно разлагающійся трупъ, какимъ мнѣ неизбежно долженъ представляться всякій человѣкъ при отрицаніи мною идеи личнаго безсмертія? Отсюда ясно, что для ученія о любви нѣтъ, или не должно быть, мѣста въ нравственной доктринѣ Толстого, потому что въ его религіозно-философской системѣ нѣтъ метафизическихъ основаній для этого ученія. И если, не смотря на это, Толстой все же не разсчитался окончательно со „второй“ заповѣдью евангельской и не вычеркнулъ изъ своего лексикона самое слово „любовь“, какъ звукъ пустой, то это объясняется лишь простою съ его стороны неислѣдовательностію, которую онъ допустилъ платя дань „прекраснымъ качествамъ своей души“ ¹⁾. Мѣсто любви къ ближнему у Толстого занимаетъ желаніе блага или счастья ему. Не желая показать себя грубымъ себялюбомъ, Толстой учитъ своихъ послѣдователей полагать задачу жизни въ устроеніи общаго блага на землѣ. „Исканіе счастья, — говаривалъ онъ прежде, — имѣетъ лишь дотолѣ упизительный себялюбивый характеръ, доколѣ оно стремится къ устроенію только собственнаго счастья, но пересгаетъ быть таковымъ тотчасъ же, какъ скоро предметомъ попеченія дѣлаюсь не я самъ, а благо общее. Поймите вы, что благо ваше есть благо всѣхъ“ ²⁾. Допустимъ, что мы и повяли бы это, и стали бы искать своего блага въ благѣ общемъ, что же бы изъ этого вышло? Вѣдь если себялюбіе, то есть исканіе личнаго счастья, есть зло, то сколько зла не складывай, добра не выйдетъ. Это точь въ точь то же самое, что самъ Толстой замѣчаетъ о войнѣ: если убійство,

1) Еп. Антоній... т. III, стр. 183.

2) Ibid. стр. 239.

совершаемое одним, есть зло, то какъ можетъ быть добромъ убійство, совершаемое тысячами? 1). Отсюда самый истинный толстовецъ никогда не поднимется надъ уровнемъ себялюбца, потому что если цѣлю его трудовъ служить участіе въ общемъ благѣ или наслажденіи, то, стало быть, стремленія его эгоистичны, и потому предъ судомъ истинной (не утилитаристической) нравственности малоцѣнны. Толстовецъ не будетъ позволять себѣ насилія „не потому, что оно ожесточаетъ, производитъ грѣховныя чувства злобы въ угнетателѣ и угнетаемомъ,... но потому, что оно препятствуетъ наслажденію жизни“ 2). Факты показываютъ, что и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отдѣльная личность преслѣдуетъ общее счастье въ формѣ наслажденія благами жизни, она остается такъ же груба, черства и низменна, какъ если бы руководилась своимъ личнымъ интересомъ 3). Собираясь въ колоніи для устройства общаго счастья, послѣдователи графа никакъ не могутъ уладить своихъ интересовъ и на почвѣ этого разлада у нихъ происходятъ иногда любопытные факты, одинъ изъ которыхъ я и позволю себѣ привести здѣсь. Онъ, быть можетъ, будетъ нѣсколько шокировать вашъ слухъ, но я передамъ его со словъ одной газеты, какъ случай въ высшей степени характерный, рисующій намъ внутреннюю жизнь скитовъ толстовскихъ, къ тому же и использованный уже прежде меня нѣкоторыми духовными писателями.

Членомъ одной толстовской колоніи состоялъ какой-то деревенскій парень. Видитъ онъ, что зипуншкѣ на немъ совсѣмъ поразвалился, а на другихъ колонистахъ поддевки и пиджаки все новые. Всталъ парень утромъ пораньше всѣхъ, выбралъ себѣ поддевку покрѣпче всѣхъ, и надѣлъ ее, а зипуншкѣ своей бросилъ.

1) Ibid. стр. 240.

2) Ibid. стр. 235.

3) Ibid. стр. 240.

Проснулись колонисты и видятъ происшедшее. Хозяинъ поддевки обращается къ парню:

— Ты зачѣмъ надѣлъ мою поддевку?

— Потому что моя развалилась, а твоя мнѣ очень понравилась.

— Ну, ну, скидывай! Что бобы-то разводить?!

— Зачѣмъ я буду скидывать? Эта поддевка теперь моя.

— Скидывай, говорятъ тебѣ! А то я самъ сниму съ тебя.

— Ну-ка, попробуй! Что же ты вѣру свою хочешь смѣнить. Сказано: злomu не противься!

Хозяинъ поддевки не зналъ, что дѣлать,—стоялъ сконфуженный и недовольный такимъ базусомъ.

— Ну, ну, Петька, довольно шутить. Мнѣ на работу нужно итти,—началь онъ снова.

— Какія тутъ шутки! Вотъ еще что выдумалъ! Сказано, не дамъ. А если сланешь снимать, то и тресну. Что ты мнѣ сдѣлаешь? Дратъся тебѣ нельзя.

Женщины стали читать парню патацію.

— Какъ тебѣ не совѣстно такія глупости дѣлать! Тебя приютили, обмыли, накормили, одѣли, а ты за это не только ругаешься, а еще и бить хочешь. Неужели у тебя нѣтъ никакого стыда?

— Эка чѣмъ вздумали хвалиться: напоили, накормили! Вы и должны это дѣлать, потому что вѣра ваша такая. Сколько разъ сами говорили: голоднаго накорми, нагого одѣнь! То-то! Говорите одно, а дѣлаете другое; поддевки жалко стало. Сказано: не отдамъ, а если полѣзете, такъ я васъ... 1) и онъ жестомъ договорилъ, вѣроятно, то, чего не выразилъ въ словахъ.

1) „Моск. Вѣд.“ 1891 г., № 216 (см. у Гусева 399—400, а также у Буткевича стр. 33—34.

Т. 9859.

Такъ-то, собравшись во имя непротивленія злу насиліемъ, какъ внѣшняго, объективнаго правила жизни, трудясь для общаго блага или счастья, но не имѣя соответствующаго внутренняго настроенія, не воспитавши въ себѣ духа истинной любви, какъ основы внѣшней дѣятельности, послѣдователи графа Толстого не могутъ упорядочить своихъ взаимныхъ отношеній и примирить себялюбивыхъ интересовъ, и по-истинѣ „говорить одно, а дѣлаютъ другое“. Мораль утилитаризма нашла себѣ оцѣнку въ самыхъ фактахъ.—Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, уместно вспомнить слова Христа Спасителя: „по плодамъ ихъ узнаете ихъ“.

М. П. Изюмовъ.

11-го марта
Витебскъ.
